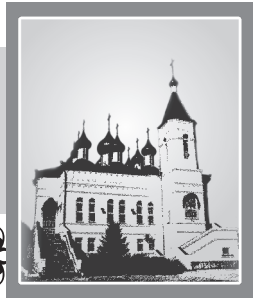

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачевым. Беседа десятая.

Добрый день, дорогие друзья. Мы поведем сегодня разговор на такую непростую, но всех интересующую тему, как мир ангельский и мир демонский. Ведь ангелы бывают и светлые, Богу служащие, сильные, но смиренные, — и злые, Бога не любящие, человеку завидующие.

Мы не обязаны верить в ангелов: в Символе веры про ангелов ничего не сказано. Хотя в молитве «Отче наш», в ее окончании, говорится: «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», — так что нужно помнить, что есть противник, есть некий обвинитель, тот, который потом на Страшном суде скажет Богу, как обвинитель на суде человеческом, показывая пальцем на виноватого: «Ты зачем его милуешь? Как Ты его можешь миловать, если он служил мне? Он вообще Тебе не молился. Ты же справедливый! Разве нет?» Это работа клеветника: он стоит на суде и имеет наглость обвинять того, кого Бог оправдывает.

Тема «Ангелы и демоны» довольно важная, потому что мы живем на оккупированной территории. Клайву Льюису принадлежит очень меткое, мне кажется, выражение: он, говоря о Рождестве Христовом, сказал, что Христос родился на оккупированной территории. Как десантник, высадившийся на территории, оккупированной врагом. Потому что кругом все засеяно делами, приятными врагу. Ангелы же, святые и светлые, которые Богу служить не перестали, тоже постоянно присутствуют здесь, у нас, в нашей жизни. И хотя в Символе веры мы про них ничего не говорим конкретно и прямо, но мы на каждой службе просим у Бога «ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших». И в Литургии святителя Василия Великого сказано, что Господь Бог, промышляя о Своем создании, «ангелы поставил хранители рода человеческого». Ангелы, управляющие стихиями, ангелы, управляющие целыми народами, ангелы, приставленные к отдельному человеку...

Вообще евангельская история настолько тесно связана с ангельским миром, что не говорить про ангелов не получается. Не говорить о них, наших невидимых друзьях, — преступное небрежение. Мы их увидим, они нас за руку к престолу Божию поведут, они нас уже избавили от тысяч искушений, они молятся, ограждая нас мечом огненным от всякой пакости и нечисти, и не говорить о них нельзя. Христос начинается после Благовестия архангела. Сигналом для Святого Духа является согласие Марии на слова архангела: «Буди Ми по глаголу твоему, Я — раба Господня». Нужно, чтобы ангел сказал: «Она согласилась», — и тогда осеняет Ее благодать Утешителя, и начинается в Ней Господь Иисус Христос. Потом Христос рождается — и ангелы поют: «Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение». Потом ангел, неоднократно являясь Иосифу, спасает Младенца Иисуса от тех, кто ищет Его душу. Перечисляются три как минимум явления и указывается еще на другие. Вот ангел говорит: «Востав поими Отроча и Матерь Его и бежи во Египет», — потому что Ирод ищет душу Отроча. И в Египте: «Востав поими Отроча и Матерь Его и иди в землю Израилеву»; «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди туда-то», — постоянно Иосиф находился под ангельским водительством. Это очень высоко говорит о том человеке.

Попутно мне хотелось бы сказать, что мы Иосифа как-то мало замечаем во святых. Но уже от того, что Иисус Христос называл его папой, можно просто растечься в слезы. Господь Иисус Христос, Единородный Сын Божий, Который имеет Своим Отцом Бога, на земле Своим детским языком, лепечущим, невинным, называл Иосифа папой. И

Иосиф учил Его плотницкому мастерству, говорил: «Так, сынок, держи здесь так, вот тут так пилой пили, здесь рубанком так», — представляете? И Христос во всем оказывал ему послушание. Смотрел на него снизу вверх, как ребенок на родителя. И Иосиф учил Христа читать Закон Божий. Того, Кто дал Закон Божий, Иосиф учил его читать. Это величайший человек, о котором надо отдельно говорить. И с большой любовью произносить его имя.

Так вот, Иосиф был водимым ангелами: ангелы постоянно являлись ему и командовали им... Это означает, что он имел чистую душу, потому что грязному снится грязное, и грешному снится грешное, а к чистому во сне приходит Господь. «Старцы ваши видения узрят и видениями вразумляемы будут», — пророк Иоиль проповедовал, что пророческие сновидения будут у лучших, по действию Духа Святого.

Потом Христос выходит на проповедь — и ангелы сопутствуют Ему и наблюдают за Ним. Откуда мы это знаем? Из слов о Воскресении: когда ангелы сидят у пустаго Гроба и встречают жен-мироносиц, они говорят им: «Вспомните, как Он сказал вам, когда был еще в Галилее», — они напоминают слова Евангелия апостолам и мироносицам. Очевидно, они внимательнейшим образом слушали все, что Господь говорил. Потом, когда Христос воскрес, они сидели на этом месте, ожидая людей, чтобы сказать им: «Его нет здесь — Он восстал». И далее очень важные слова: «Что ищите Живаго между мертвыми?»

Я бы на этом моменте хотел тоже немного остановиться. Христос не был похоронен на кладбище в буквальном смысле этого слова. Там, где Его погребли, не было никаких мертвых: это был сад, в саду была пещера, в этой пещере никто никогда не был похоронен. Это был купленный гроб для другого, который был пожертвован распятому Иисусу, умершему на Кресте, и Он был похоронен в этом гробе в саду. А ангел говорит так, будто Он на кладбище лежал, будто кругом могилы мертвецов. Не было такого! Но он говорит: «Что ищите Живаго между мертвыми?» Что он имеет в виду? Он имеет в виду какую-то другую смерть. Когда мы о смерти беседовали, мы говорили, что смертей много. Есть мир духовный, есть смерть благая, когда человек мертв для греха, а жив для Бога. Так вот ангел имеет в виду духовную смерть: не ищите живого между мертвыми — не ищите Жизнодавца между духовными мертвецами.

Ангелы потом стоят на Елеонской горе, когда апостолы, задравши головы, смотрят, как возносится Христос. И они долго не могли их опустить, потому что Христос возносился медленно: не пользуясь посторонней помощью, Христос, воскресший из мертвых, как Царь мира, поднимался медленно в глазах их и благословлял их. «Воздвиг руце Свои и благослови их» — Он двумя руками — по-архиерейски — благословлял их. Он возносился — а они смотрели на Него. И когда Он уже скрылся из глаз, они все еще не опустили голов. А опустили головы, когда им сказали ангелы: «Мужи Галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, Который вознесся от вас на небо, Он так же с небес на землю и придет». И они пошли в Иерусалим, хваля и благословляя Бога, ожидая пришествия Духа Святого.

И потом, в истории мира ангелы постоянно приходят на помощь человеку. Ангелы сопутствуют апостольской проповеди, выводят Петра из темницы, открывают перед ним ворота, называемые медными, и т.д. Они везде: вся история Церкви — это история людей и невидимой помощи им от ангелов. Они живут в каком-то другом мире,

Слово пастыря

современная физика предполагает наличие нескольких измерений, кроме трех. Измерений больше, чем три. Физика Эйнштейна четвертым измерением называет время, но есть физика, которая предполагает, что кроме трех измерений объемного мира, в котором мы живем, есть еще и иные измерения. И в них пребывают ангелы. Объяснить очень просто: представьте себе плоскую поверхность, где есть два измерения — длина и ширина, а высоты и глубины нет — вот только плоское нечто. Нарисуйте здесь человечка. И представьте, что вы — его бог. Вот этот плоский человечек начал жить — и живет он в пространстве этого плоского измерения. А рядом — еще один плоский человечек. Они друг друга вот такими и видят, а то, что за пределами плоскости, не видят. А нам, чтобы на них посмотреть, нужно вот так склониться, пересечь эту плоскость. И тогда они увидят пришельца из другого измерения.

Эти светлые духи, огнекрылые, любящие Господа, благоухающие молитвой, тут, рядышком постоянно, просто они не пугают нас, потому что можно умереть от страха, увидев их.

Ангел Господа Саваофа — это священник, так пишется у пророка Малахии: «Закон ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа». Если бы настоящие ангелы были священниками, нам было бы очень страшно в церковь приходить. Они были бы грозные святые, а мы были бы на их фоне какие-то грешные, маленькие, слабые. На исповедь, например, к ангелу было бы страшно приходить, потому что он бы, уж и не знаю, что сделал за твои беззакония и безобразия. Поэтому очень важно, что в церкви ангельскую службу совершает человек.

Человек может совершить много ангельского: он может хвалить Господа, молиться, постигать Закон Божий. Кроме этого, есть вещи, которые ангел не может совершать, а человек может. Вот, например, столяр сделал табуретку, получилась она крепкая, красивая, хорошая. Ладная такая табуреточка — и нравится ему дело рук его. Так вот, этой радости у ангела нет. Если человек молится и любит Бога, то эта радость у ангела есть. А если человек сделал что-то хорошее, например хозяйка пирог испекла, все поели, говорят: «Как хорошо! Какая ты мастерица!» — и ей это приятно, и это хорошо, что она сделала, — вот этой радости у ангела нет. Радость материального, физического творчества есть у человека — у ангела ее нет. В каком-то смысле человек богаче ангелов.

Я все никак не могу перейти к демонам, и мне не хочется переходить к ним, потому что они поистине гнусны. Они враги наши, и они порвали бы нас, как собака грелку, если бы мы не были хранимы Божественной благодатью. Поэтому хочется говорить про ангелов. И я повторяю, что человек в каком-то смысле блаженнее этих бесплотных духов. Можно подумать, что они лучше, чем мы. В каком-то смысле, да: они сильнее, умней, чище, лучше, а в каком-то смысле не лучше, потому что мы соединяем в себе ангельское и материальное, видимое и невидимое, осязаемое и неосязаемое. Как пишет прекрасно Гавриил Романович Державин, Царствие ему Небесное, в оде «Бог»:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил духов Ты небесных
И начал Ты существ телесных,
А цепь существ связал всех мной.

Почему человек так дорог Богу? — Потому что в нем, по сути, есть все, что есть в ангеле: совесть, молитва, вера, разум, память... И в нем есть все, что есть вообще

во всей Вселенной. Все, что рассыпано по космосу, в каких-то микродолях присутствует и в человеке. Вся таблица Менделеева есть в человеке. Микрокосмос — так и называли его древнегреческие философы. Все материальное есть в человеке, и все духовное есть в человеке. Вот он — частица целой Вселенной в той середине естества, где закончились небесные духи и начались телесные существа. А цепь связана тобой и мной: ты порвешься — вся цепь порвется. Вся цепь мироздания колеблется и весь мир дрожит и шатается, как пьяный, когда человек согрешает и не исполняет своего предназначения. Вот почему он так важен.

Что же касается врагов нашего спасения, то мы должны помнить, что они придумали грех: мы почему и будем помилованы, потому что мы — жертвы греха, а не его изобретатели. И много на эту тему, пожалуй, придется еще поговорить, эту демонологию затронуть, но на прощание сегодня скажем следующее: однажды к Антонию Великому, родоначальнику монашества в христианском мире, пришел незнакомый человек и сказал: «Помолись обо мне, чтобы Бог простил мои грехи». Антоний говорит: «Как зовут тебя?» Он говорит: «Бог откроет тебе». И Антоний встал на молитву, честно исполняя обещанное, стал молиться: «Прости, Господи, грехи тому человеку, который приходил ко мне недавно». И он услышал голос Божий: «Знаешь, кто это?» — «Нет». — «Это диавол, принявший обличие человеческого. Он придет к тебе через неделю — скажи ему, что Я прошу его, если он покается». И вот этот странный человек, этот странный гражданин, как сказано в притче о Блудном сыне о хозяине свиней, которых пас блудный сын... так вот, этот странный гражданин, бес, шел издалече, и Антоний увидел его и сказал ему издалека: «Я знаю, кто ты. Бог простит тебя, если ты покаешься». Тогда лукавый изменил свой вид в нечто безобразное, свойственное ему более, чем человеческое обличие, захохотал и сказал святому: «Глупый старик! Весь мир меня слушается, и я буду каяться?!» И с хохотом ушел в пустыню.

И Евангелие говорит нам о лукавом. Например, в притче о Милосердном самарянине человек, попавший к разбойникам, — это же Адам, попавший в руки демонов, это избитый и изъязвленный Адам, к которому пришел милосердный самарянин — Христос — и промыл ему раны, посадил его на осла — то есть на плоть Свою, плотью Своей приняв грехи наши; привез в гостиницу, которая есть Церковь, и дал гостиннику, чтобы тот дальше ухаживал за ним, заплатив ему двумя монетами, то есть Ветхим и Новым Заветом: «Из этого пользуйся для лечения, а если что больше истратишь, Я приду и тебе возмещу». И странный гражданин, хозяин свиней в притче о Блудном сыне... — и там много о диаволе.

Очень радостно для человека, что ад создан не для человека: Господь в словах о Страшном Суде говорит, что Он скажет некоторым: «Отойдите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его», — для человека ад не уготован. Для человека уготовано небесное жилище. Для этого создан человек. Он настолько сложен, настолько ценен, настолько теоретически и потенциально красив, в каждой ресничке человека столько мудрости Бог заложил, что Богу не хочется никого в огонь бросать, Ему не хочется, чтобы это любимое создание было прожарено для адского костра. Огонь вечный — для диавола и для ангелов его. А для нас — светлый рай. Сюда мы с вами и стремимся.

На прощание я желаю, чтобы вы были избавлены от всякой демонской козни и чтобы ангелы светлые и друзья наши невидимые, сильные и красивые, не отлучались от вас. До свидания.

«*Райские хутора*» и другие рассказы священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в №20 (308)

Минуло три года. Петька одолел курс наук и пошел в домоуправление слесарем, мать устроилась дворничихой туда же, получили они комнатушку в полуподвале, и началась новая жизнь. В пять утра – на тротуар: сметай пыль, сгребай снег, лед скалывай. Подсобит Петька матери, а потом весь день бегаёт: тут батарея протекла, там труба засорилась... Публика была неплохая: офицеры, генералы, тренер футбольной команды, велогонщик, министр, шофер легендарного полководца, два писателя... И ребяташки хорошие: мастерят самокаты на шарикоподшипниках, гоняют в футбол, зимой каток заливают, и никаких тебе кодл. Таракановка, Ваганьково – все это провалилось куда-то в прошлое, хотя и оставалось рядом. По вечерам – снова тротуар, снова – лом, скребок, лопата или метла с совком. Москву тогда чистили так, что и среди зимы асфальт был словно летний.

В свой срок ушел Петька в армию, в свой срок вернулся к унитазам и стоякам. Глядь, а у матери новый хахаль – завальщенький старикашка такой.

– Больно уж неказист, мам.

– Зато моряк, Петенька: китель – черный, брюки – клеш, а на боку, – Люба закатаила глаза, – кинжал...

– Кортик называется... Тогда конечно.

Стал Петька замечать, что время жизни его вдруг задержалось. Если, к примеру, футбольный матч на «Динамо» тянулся, как и прежде, едва не вечность, то некоторые месяцы и даже годы проскакивали в один миг: год – и нет барачков, а на их месте возводятся железобетонные здания; другой – и на кладбище никаких следов от жилья не осталось; третий, пятый... По-неслось время безудержно.

Давно уже нет бабки, умерла мать, затерялся в бескрайних просторах отечества злоумышленный человек Бакшеев. А Петька обрел жену, детей и квартиру и с неослабевающим упорством продолжал укрощать московский водопровод.

Дело шло к пятидесяти годам, выросли дети. Привязалось к Петру Андреевичу Скрябневу неизъяснимое чувство. Сначала маленькое, чувство это стало затем расти и увеличилось до того, что потревожило разум.

– Вот что интересно, – произнес как-то среди ночи Петр. – Это ведь сколько людей моего года поумирало уже!

– Ну и чего? – не поняла супруга.

– А я живу.

– И хорошо, – определила она.

– Хорошо-то хорошо, да вроде как должен кому-то.

– Сколько? – спросила она с настороженностью.

– Понимаешь... Вот, скажем, в детстве: бросишь гранату, осколки – жжих, жжих, а меня – обносило. Один раз такой взрыв устроил, аж река испрямилась... Камни от взрыва летели: в деревце попадет – хруп деревце, а меня опять обнесло. Потом это: в шайку угодил, как карась в бредень. И вдруг: против моего носа в сетке дыра – я и вывалился. Потом хмырь один вроде как приговорил меня – обнесло. А я сам? Из пистолета в упор стрелял – и промазал, смертоубийцей не стал... Что же это получается?

– Как «что»? Ну-у... повезло, и все тут.

– Вот именно, повезло. Но я ведь за это кому-то должен?

– Чего должен?

– Хотя б спасибо сказать.

– Кому?

– Не знаю.

Супруга принохалась.

– Да не пил я.

– Ходишь по своим генералам, маразмом старческим заражаешься...

– Да при чем тут?! Эх!..

– Ну и не лезь с пустяками, спи давай...

– Да какие же это пустяки? Это, может, самое главное в моей жизни!

– Вот ты и думай, а мне не мешай.

– Буду думать.

– Во-во...

И Петр Андреевич начал думать.

Первые послевоенные

Было это в пятьдесят втором.

Лагерь располагался на берегу Истры: поднимающийся от реки луг, на самом верху – двухэтажное деревянное здание, жутковатое по причине черноты стен и своей одинокости. Жилые бараки стояли ниже. Они были совсем новые – их не успели ни покрасить, ни проолифить. Сильно пахло сырой древесиной, смолой, земля вдоль стен была завалена стружкой.

Должно, оттого, что воспитателей и вожатых не доставало, порядки там были вольные. Настолько вольные, что даже мы, дошкольники, состоявшие в самом младшем отряде, случалось, уходили в лес – благо забора не было, а лес начинался совсем рядышком и почему-то внушал нам куда меньше страха, чем мрачный короб, громоздившийся на вершине лысого и широченного – во весь горизонт – холма. Хотя в дом тот нас водили до четырех раз каждодневно. Вблизи, правда, он не казался таким страшным: заметно было, что стены – не черные, а темно-темно-зеленые. К тому же нас там кормили, а иногда еще и показывали в этом доме кино; но издалека, от барачков, вид его производил гнетущее впечатление – очень уж мрачным и безраздельным было господство этого предмета над всей видимой местностью.

Если мы – мелкота – бродили поблизости, то ребяташки постарше хаживали и в удаленные леса. Скитания их стали со временем приносить плоды, и в лагере появились патроны, снарядные гильзы, оболочки гранат. Эти вещи именовались «штуками» и в зависимости от ценности обменивались на один или два полдника.

Выменяв все свои будущие полдники на пригоршню автоматных патронов, я решил, что настала пора действовать самостоятельно, и тоже пустился в поиск. Старшие ребята рассказывали, что искать лучше всего в окопах, землянках и блиндажах. Конечно, все, что находилось в пределах моей досягаемости, было уже не раз проверено, однако перед теми, кто шустрил здесь прежде, я имел одно преимущество – то самое, благодаря которому дети находят деньги значительно чаще, чем взрослые: я был ниже любого из них, а посему – ближе к земле. Вот под ногами-то я и обнаружил однажды проросшую травой пулеметную ленту. Следующей добычей оказался ржавый винтовочный ствол. Когда, задыхаясь от восторга, я волок этот ствол к лагерю, неподалеку от меня послышались знакомые голоса – это возвращались с «охоты» старшие. Нас разделял неглубокий, прятавшийся в бузине овраг – по сторонам его мы и шли. Я остановился: во-первых, «штука» была тяжеловата и требовалось отдохнуть; во-вторых, ребяташки, попадись я им, вполне могли изъять ее у меня – ствол, конечно же, стоил не одного полдника.

Они тоже остановились и о чем-то заспорили: «Я!» – «Нет, я!» Наконец как будто поладили, и тут же с их стороны вылетело нечто, похожее на камень, и через несколько мгновений на дне оврага так жажнуло, что я упал: это была граната – настоящая «штука», не то что моя труба.

В конце первой смены взрослые устроили праздник: приволокли из лесу огромную ель – волокли, впрочем, лошади, взятые напрокат в ближайшем колхозе, – стоймя вкопали ее посреди лагеря, накидали под нижние ветки дровишек, облили бензином и подожгли. Более выдающегося костра я с тех пор никогда не видел.

Вторая смена началась трагически: вбивая в землю штырь для растяжки флагштока, подорвался аккордеонист. На другой день в лагере появились саперы. До обеда мы вообще не выходили за дверь – вечер сухим пайком доставили из черного дома солдаты, но к вечеру нас пустили погулять на волейбольную площадочку, ограниченную красными флажками. Срочно началось сооружение высокой изгороди.

Через несколько дней территория была очищена от лежавших в земле металлических предметов, а наши тумбочки, матрацы и тайники – от «штук». Каждый вечер на той стороне реки гремели взрывы.

Наконец лагерь огородили. За пределы разрешалось выбираться только в сопровождении взрослых, передвигаться – лишь по тропинкам, обозначенным саперами. Так и шастали:

гуськом, шаг за шагом, а справа и слева – бечевки с тряпочками-флажками.

Пообвыкли, боязнь стала таять, а тут еще малина поспела... И вот целый отряд – двадцать четыре пионера да с ними вожатая – свернул с тропки в малинник. Что ж, им по десять-одиннадцать лет, она тоже девчонка почти – очень уж ягод захотелось, наверное. В общем, разметало – не знали потом, что хоронить.

Ночью пришла колонна крытых грузовиков: при свете фар началась эвакуация. Офицер, руководивший погрузкой, давал команды: «В Немчиновку!», «В Мытищи!», «В Подольск!» Когда привели нас, он удивился: «Уж больно малы!»

– Сорок шестой – сорок седьмой год, – отвечала воспитательница, – первые послевоенные.

Заканчивали мы вторую смену совсем в другом лагере: вместо барачков там были красивые терема, украшенные резными наличниками, перед каждым теремом – клумба, и целая бригада работниц во главе с садовником ухаживала за цветами – только поблекнут ноготки, глядь – на их местах душистый табак цветет, завянет табак – на его месте гвоздички... Были там и голубые ели, и даже свой сад – с яблоками и диковинно крупной малиной. Каждый вечер крутили кино, в каждый теплый день возили купаться. На автобусе. Дорога шла мимо песчаного карьера, в котором работали экскаваторы, и всякий раз вожатая говорила нам: «Стройка коммунизма! Смотрите и запоминайте!» – и мы смотрели и запоминали. Запоминали карьер, заличик: справа – автомобильный мост через канал, слева – мачты высоковольтки, в небесах – самолет, а над водой скользили паруса яхт – всё как на единообразных картинках, которыми в ту пору щедро украшались обложки журналов, коробки конфет и казенные помещения вроде железнодорожных вокзалов. Иногда еще для пущей похожести на воде появлялся глассер, речной трамвайчик, а то и сам флагман московского пароходства – белоснежный двухпалубник «Иосиф Сталин».

Нас переполняло счастье, и казалось, что так будет всегда...

Туда и обратно

В тот год Сережа Белов научился плавать. Сначала пособачьи, потом – нельзя сказать, чтобы брассом, но – похоже, и наконец – саженками. Дело происходило в Мышкине, славном приволжском городке, хранившем следы бывшего провинциального величия в виде двух грандиозных соборов, торговых рядов на главной площади да еще некоторого числа кирпичных зданий старой постройки: крепких, с украшательной витиеватостью в кладке. Сережа был москвичом – родители его снимали здесь дачу.

Плавал он вдоль плотов, причаленных к берегу. Кто-то из взрослых сказал, что длина плотов – сто метров. Сумев одолеть расстояние пять раз, Сережа решил, что может теперь переплыть Волгу, и начал пристраиваться к ребячьим компаниям, которые время от времени подвигались на это предприятие. Старшие ребята его не брали – он было сунулся к ним, да не выдержал испытания: «Саженками можешь?» – «Могу». – «А пособачьи?» – «Тоже могу». – «А топором?» – «Нет!» – радостно отвечал Сергей. «Тогда не возьмем». Такое испытание, значит.

Что же до его сверстников – все они находились под присмотром, и заплыв мог состояться лишь в случае удачного соединения обстоятельств, иначе говоря, – при одновременном отсутствии родителей, бабок, старших сестер, дядь и тетей. Ведь достаточно было кому-то из них обнаружить детишек удаляющимися от плотов, тут же организовалась бы погоня. Ну и, само собой, готовиться к заплыву надлежало в строжайшей тайне.

Собралось человек пять или шесть, подготовились, то есть стащили по булавке, – знатоки утверждали, что от долгого плавания сводит мышцы и единственное спасение – укол. В назначенное время сошлись. Вчетвером: у кого-то не получилось. Поговорив о судорогах и втором дыхании, нырнули.

Похоже, второе дыхание к ним так и не пришло – уж очень долго барахтались. Конечно, боязно было – ведь они лавливали здесь рыбу – и с лодки, и с плотов – и знали, что под ними двенадцать метров воды: темной, непроглядной – лишь на длину опущенных рук просвечивали лучи солнца.

Благополучно разминувшись с караваном баржонок, преодолели фарватер. С кормы последней им что-то прокричал шкипер – Сережа не разобрал что, однако лицо шкипера было приветливым.

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

15 мая, вс. – Неделя 3-я по Пасхе, святых жен-мироносиц. Перенесение мощей блгвв.

кнн. Российских Борýса и Гл́ба, во Святом Крещении Ром́ана и Дави́да. Свт. Афан́сия Великого, архиеп. Александрийского. Свт. Афан́сия, патриарха Царегра́дского, Лубе́нского чудотворца. Правв. Марфы и Марии, сестер прав. Лазаря. **Блгв. Тамары, царицы Грузинской.**

16 мая, пн. – Мчч. Тимофе́я и Ма́вры. Прп. Феодо́сия, игумена Киево-Пече́рского. Прпп. Иулиа́нии и Евпракси́и Московских. Прп. Петра чудотворца, еп. Аргосского. Свт. Феофана Перифеорийского. Пече́рской-Нерукотворной и Свёнской-Пече́рской икон Божией Матери.

17 мая, вт. – Прмц. Пелаги́и, девы Тарсийской. Прпп. Ники́ты, Кири́лла, Ники́фора, Кли́мента и Иса́кия, братьев Алфа́новых, Новгородских. Сщмч. Еразма, еп. Формийского.

18 мая, ср. – Мц. Ири́ны. Обре́тение мощей прп. Иа́кова Железнобо́ровского. Прп. Варлаама Серпуховского. Иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша».

19 мая, чт. – Прав. Йо́ва Многострада́льного. Прп. Михе́я Ра́донежского. Свт. Са́ввы, первого архиеп. Сербского. **Прп. Йо́ва Поча́евского.** Мч. Ва́рвара, бывшего разбойника.

20 мая, пт. – Воспоминание явле́ния на небе Креста Госпо́дня в Иерусалиме. Прп. Ни́ла Со́рского. Мч. Ака́кия сотника. Обре́тение мощей прп. Ни́ла Мироточи́вого, Афонского. Прпп. Иоанна Зедазнийского и учеников его Ави́ва, еп. Некресского, Антония Марткопского, Давида Гареджийского и иных. Лю́бечской и Жири́вицкой икон Божией Матери.

21 мая, сб. – Апостола и евангелиста Ио́анна Богосло́ва. Прп. Арсе́ния Великого. Прп. Арсе́ния Новгоро́дского. Прп. Арсе́ния трудолюбивого, Печерского, в Дальних пещерах. Прп. Касси́ана послушника и постника, Печерского, в Дальних пещерах.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!